

В. П.
АВЕНАРИУС

ДВА
РЕГЕНТСТВА

Василий Авенариус
Два регентства

«Public Domain»

1908

Авенариус В. П.

Два регентства / В. П. Авенариус — «Public Domain», 1908

«Скончалась императрица Анна Иоанновна в своем петербургском Летнем дворце, оттуда же должно было последовать и ее погребение. На другое утро по ее кончине, 18 октября 1740 года, младенец-император Иоанн Антонович был перевезен в Зимний дворец, вместе с ним переселились туда и его молодые родители – принцесса Анна Леопольдовна и принц Антон-Ульрих. Регент, герцог Бирон, еще накануне заявил, что сам он не покинет Летнего дворца, пока тело незабвенной монархини находится еще там и не предано земле...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Петрович Авенариус

Два регентства

Глава первая

Регент благодетельствует

Скончалась императрица Анна Иоанновна в своем петербургском Летнем дворце, оттуда же должно было последовать и ее погребение. На другое утро по ее кончине, 18 октября 1740 года, младенец-император Иоанн Антонович был перевезен в Зимний дворец, вместе с ним переселились туда и его молодые родители – принцесса Анна Леопольдовна и принц Антон-Ульрих. Регент, герцог Бирон, еще накануне заявил, что сам он не покинет Летнего дворца, пока тело незабвенной монархини находится еще там и не предано земле.

По этому поводу обер-гофмаршал граф Левенвольде счел нужным еще раз переговорить с регентом. Когда дежурный паж пригласил его в герцогский кабинет, Бирон сидел еще за утренним кофе в своем светло-голубом шлафроке с оранжевыми лацканами и обшлагами. Он вообще любил яркие цвета, а голубой и оранжевый были к тому же цвета родной его Курляндии.

«А черная одежда была бы теперь все же пристойнее», – подумал про себя гофмаршал, и ему невольно вспомнилось известное острословие: «Для чего наружные знаки печали? Была бы душа черна!».

Но он поспешил отогнать от себя нечестивую мысль и с почтительностью прикоснулся к протянутой ему руке. Пожелав регенту доброго утра, он осведомился, не переменял ли его светлость своего вчерашнего намерения пробыть здесь, в Летнем дворце, до похорон.

– Что мною раз решено, – был ответ, – то отменено быть не может.

– Я и не посмел бы понапрасну беспокоить вашу светлость, – заметил Левенвольде, – если бы не обычай русского народа поклоняться праху царствующих особ, а по наведенной справке тело усопшей особы выставляется публично в течение не менее шести недель.

– Дабы всякий желающий мог исполнить свой христианский долг? Вполне одобряю. И мы назначим для сего не шесть, а целых десять недель! На какой день придутся тогда похороны?

Обер-гофмаршал подошел к висевшему над столом стенному календарю и стал рассчитывать.

– Ну? – спросил Бирон.

– Придутся они на двадцать шестое декабря, то есть на второй день Рождества, но тогда ведь не хоронят...

– Гм... Так, скажем: двадцать третье декабря, дабы на другой день в рождественский сочельник вся Россия могла единодушно вознести свои молитвы за упокой души обожаемой царицы.

– Слушаю-с. А до тех пор ваша светлость так и не выедете отсюда?

– Ни я, ни мое семейство. Здесь же будет собираться и особая комиссия для разработки формы придворного траура и всего церемониала погребения. Вы, Левенвольде, составьте мне нынче же к вечеру список членов комиссии, а также подробную справку о тех милостях, которые прежде даровались народу при перемене правления.

– Ваша светлость все ведь предусмотрите! – почел долгом умилиться обер-гофмаршал. – Народ будет благословлять вашу доброту...

– Эх, милый мой! К чему эти фразы? Мы оба прекрасно знаем, что русский народ нас, немцев, терпеть не может.

– Простите, герцог, не всех немцев. Фельдмаршала Миниха, например, вся армия очень любит...

Бирон досадливо поморщился.

– Ну, так нас, курляндцев! – поправился он. – Народ цепной ведь пес, который рычит на всякого пришельца. Вот мы и бросим ему кость.

– Смею заметить, что против вашей светлости настроен не один только простой народ, но и многие из высших слоев общества до сенаторов и самой принцессы Анны включительно.

– Мы никого не обойдем, а принцессу да и цесаревну облагодетельствуем теперь же.

Герцог позвонил в колокольчик. На пороге вырос саженный камердинер-курляндец.

– Что угодно вашей светлости?

– Одеваться!

Первый выезд Бирона был в Зимний дворец к молодой матери государя. С отменной, невиданной еще любезностью он возвестил ей, что определил ей годового содержания 200 тысяч рублей, а когда принцесса попросила еще назначить к ее особе гофмейстера, он выбрал для должности камергера при ее сыночке молодого графа Миниха, к которому очень благоволила как сама принцесса, так и ее гофfreyлина и первая фаворитка Юлиана Менгден, свояченица Миниха.

После этого герцог поехал к главе русской партии цесаревне Елизавете Петровне, чтобы обрадовать и ее назначением ей дополнительного годового оклада в 50 тысяч рублей. Но цесаревна его не приняла, и ему ничего не оставалось, как затаить до времени свою злобу и ехать дальше. Он велел кучеру везти себя в сенат.

Господам сенаторам он объявил, что желает поднять значение правительствующего сената и впредь часто будет посещать их заседания. Польщенные сенаторы, в свою очередь, определили ему тут же 500 тысяч на собственные расходы и вместо титула «светлости» предложили ему именоваться «императорским высочеством». Бирон, однако, показал столько такта, что удовольствовался титулом «высочества», причем выговорил тот же титул и родителю государя, принцу Антону-Ульриху. Но вместе с тем он дал знать в сенатскую типографию, что высочайший указ о его собственном титуле должен быть напечатан во всеобщее сведение на другой же день, 19 октября, указ о титуле принца и денежных пожалованиях принцессе и цесаревне – только несколько дней спустя.

Каждый день затем приносил доказательства благодушия регента: многие ссыльные получили разрешение вернуться в Петербург с возвращением им и чинов, кому был сокращен срок заключения, кто и вовсе избавлен от наказания. Особым манифестом было предписано строго соблюдать законы, чинить суд правый и беспристрастный, во всем повсюду равный, без богоугодного лицемерия и проклятых корыстей. Часовых, мерзнувших до сих пор в зимнюю пору в своих подбитых ветром епанчах, было велено снабдить шубами, а для уменьшения придворной роскоши, виновником которой выставляли до тех пор самого Бирона, последовало воспрещение носить кому бы то ни было платье дороже четырех рублей аршин.

Не забыл герцог, наконец, и своего преданного слуги, секретаря Де-сиянс академии, Василия Кирилловича Тредиаковского. Указом сената от 1 ноября 1740 года было постановлено: «Ему, Тредиаковскому, за бесчестье и увечье его Артемием Волынским награждение выдать из взятых за проданные его, Волынского, пожитки и имеющихся в рентерее денег 360 рублей».

Все недовольные были, казалось, улажены, наступила тишь и гладь и Божья благодать.

Доверчивее многих других была простодушная и до слабости мягкосердная Анна Леопольдовна. Особенно тронула ее оговорка в подписанном покойной императрицей манифесте о престолонаследии, что «ежели Божеским соизволением оный любезный наш внук, благоверный великий князь Иоанн, прежде возраста своего и не оставя по себе наследников, преставится, то в таком случае определяем и назначаем в наследники первого по нему принца, брата

его, от нашей любезнейшей племянницы, ее высочества благоверной государыни принцессы Анны, от светлейшего принца Антона-Ульриха, герцога брауншвейг-люнебургского рожденного, а в случае и его преставления, других законных из того же супружества рожденных принцев всегда первого».

– Без согласия Бирона этого не было бы сказано, – говорила она. – Стало быть, он и не думает вовсе устранить меня и моих детей... Я могу быть спокойна.

И она успокоилась. Первые дни, правда, горесть ее по любимой тетушке была как бы безутешна, и на совершаемых ежедневно в придворной церкви панихидах из глаз ее текли обильные слезы. Но источник слез у нее, как это бывает у неглубоких натур, довольно скоро иссяк. Да к тому же надо было позаботиться ведь о трауре! Заседавшая в Летнем дворце, где оставалось еще тело почившей императрицы, печальная комиссия назначила траур на целый год с распределением на четыре квартала. Чтобы комиссия как-нибудь не напутала насчет нарядов, принцесса нарочно откомандировала туда своего нового гофмейстера Миниха-сына с подробной инструкцией. Сообразно последней, было выработано описание траурного одеяния как самой принцессы, так и цесаревны Елизаветы Петровны.

Интересовал Анну Леопольдовну, понятно, и печальный наряд покойной государыни: серебряной парчи шлафор и такая же роба, украшенная серебряным шнуром и широкими большими лентами, белые лайковые башмаки с белыми и желтыми лентами и пунцового бархата одеяло с золотым позументом. Пышному наряду отвечала и вся обстановка царицыной опочивальни и прилегавшего к ней малого зала: стены были обиты малиновой материей, а пол зеленым сукном, тогда как в остальных помещениях стены, потолки, полы, печи, а также зеркала и мебель были затянуты черным сукном.

– Тетушка не выносила черного цвета, – говорила принцесса. – Так пускай же и теперь вокруг нее не будет ничего мрачного.

Своим собственным глубоким трауром, впрочем, принцесса была довольна.

– Граф Линар тоже ведь находил, что черный цвет мне очень к лицу, – заметила она своим двум фавориткам фрейлине Юлиане Менгден и камер-юнгфере Лили Врангель, когда на третий или четвертый день при их помощи облакалась опять в траур.

– А ваше высочество все еще не забыли своего рыцаря? – сказала Юлиана. – Пора бы, кажется.

– И никогда не забуду! Это единственный светлый луч в моей тусклой жизни.

– Но у вас есть теперь и муж, и сын...

– Что ж из того? Мои отношения к Линару так же чисты, как в средние века были отношения между рыцарями и дамами их сердца. У меня одно только желание, чтобы его назначили опять посланником к нам в Петербург!

В это время послышался легкий стук в дверь и голос паж:

– Письмо из-за границы!

Анна Леопольдовна схватилась за сердце.

– Это от него! Я это чувствовала... Войди!

Вошедший паж с низким поклоном подал ей запечатанный конверт. Принцесса дрожащими пальцами вскрыла и развернула письмо. На оживленном лице ее выразилось полное разочарование.

– Из Мекленбурга от отца!

– Отец ваш, верно, прослышал тоже про смертельную болезнь государыни, – заметила Юлиана. – Уж не хочет ли он приехать в Петербург?

– Он ожидает только официального приглашения.

– Бога ради, принцесса, не зовите его сюда! При своем неуживчивом характере он наверное повздорит с Бироном, и тогда все пойдет вверх дном.

– Ты думаешь?.. Чего ты тут ждешь? – обратилась Анна Леопольдовна к стоявшему еще на месте пажу.

– У меня еще письмо к баронессе Врангель, – отвечал паж, поглядывая в нерешительности поочередно то на молоденькую камер-юнгферу, то на молодую фрейлину.

– Дайте-ка сюда, – сказала фрейлина, отнимая у него письмо.

– Да ведь оно не к тебе, Юлиана, а к Лили? – вступилась принцесса.

– Но я отвечаю за нее перед вашим высочеством.

– Все равно. Чужих писем, милая, не читают. Отдай ей его сейчас, она нам уже скажет, от кого оно.

– Право, не знаю, кто мог бы мне писать? – недоумевая, отозвалась Лили и, распечатав письмо, стала его читать.

Вдруг хорошенькое лицо ее до ушей залило горячим румянцем.

– Вот видите, принцесса! – воскликнула Юлиана. – От кого письмо, Лили? – говори.

– От моей лифляндской кузины Мизи Врангель.

– Неправда! Зачем же ты так покраснела?

– Божусь вам, что от нее.

– А не от Самсонова?

– От какого Самсонова? – спросила Анна Леопольдовна.

– Да от молочного брата ее покойной сестры Дези. Покажи-ка.

– Подпись, извольте, я вам покажу, – сказала Лили и, накрыв ладонью самый текст письма, оставила на виду одну лишь подпись.

– «Deine dich liebende Cousine Misi Wrangel»¹, – прочитала Юлиана. – Гм... верно. Но что она тебе пишет?

– Оставь ее, Юлиана! – вмешалась опять принцесса. – Ты все забываешь, что она уже не ребенок, что ей шестнадцать лет.

– На Рождестве, ваше высочество, будет семнадцать, – поправила Лили.

– Тем более. У всякой ведь из нас есть в сердце свой потайной уголок, куда без спросу никто не допускается. А кузина твоя, верно, твоих же лет, Лили?

– Одним годом меня старше.

– Всего-то? Ну, так что же может быть в ее письме, кроме милых глупостей? Но ты еще не дочитала?

– Не успела, ваше высочество...

– Так ступай же к себе и дочитай, да никому, чур, не показывай! – со снисходительной улыбкой добавила принцесса.

¹ Твоя любящая тебя кузина Мизи Врангель (нем.).

Глава вторая

Знакомый незнакомец

Удалившись в свою комнату, Лили первым делом замкнула дверь на ключ, потом расположилась удобнее на угловом диванчике, поджав под себя ноги, и тогда уже принялась опять за письмо кузины с самого начала. Письмо было написано, разумеется, по-немецки, в переводе же на русский язык содержание его было такое:

«Милая Лили!

Ясно вижу отсюда, как твои большие незабудковые глаза от удивления еще вдвое расширились; что нужно ей вдруг, этой несносной Мизи, у которой в ответ на все письма за целую вечность не нашлось ни строчки?

Не стану уверять, что у меня были какие-нибудь важные занятия, что во мне неожиданно проснулась совесть, заговорили родственные чувства и тому подобный вздор. Приступаю прямо к делу.

Ты, вероятно, еще помнишь, что с нашим имением граничит имение Минихов – Ранцен. Когда года два назад сын фельдмаршала женился на баронессе Анне-Доротее Менгден (сестра ее Юлиана ведь гоффрейлиной у твоей принцессы Анны?), старик-фельдмаршал, по брачному контракту, закрепил Ранцен за своим сыном. Этим-то имением издавна заведует дальний родственник нашего управляющего Лютц. Годами Лютц не так еще стар, но давно уже страдает ревматизмом ног, а прошлую зиму по неделям не вставал с постели. Сельское хозяйство он и до сих пор ведет образцово, но, хворая, не имеет уже возможности лично наблюдать за работами. Так вот, на подмогу ему был прислан из Петербурга волонтер.

Все это, скажешь ты, в порядке вещей, но что за дело твоей кузине, родовой баронессе, до какого-то волонтера, безродного Кунца или Гинца?

Верно, но то-то и есть: точно ли это безродный Кунц или Гинц?

Ты знаешь, как у нас в провинции всякое новое лицо, чем-либо выдающееся из общей серой массы, делается предметом бесконечных сплетен и пересудов. Этот волонтер, называющий себя Григорием Тамбовским, заставил также говорить о себе не потому, чтобы он допустил себе какие-нибудь выходки дурного тона, о, нет! Ведет он себя совсем благоприлично. Но его окружает какой-то непроницаемый туман. О его прошлом никому, даже прямому его начальнику, Лютцу, ничего не известно. По крайней мере, сам Лютц, говорил так нашему управляющему, который ему не только родня, но и добрый приятель. Домашним своим и работникам Лютц внушил строго-настрого отнюдь не беспокоить г-на Тамбовского какими бы то ни было расспросами. Очевидно, на этот счет Лютцу дана строгая инструкция из Петербурга. Так с полгода уж по нашему мирному краю разгуливает ко всеобщему соблазну какой-то загадочный сфинкс.

Своим образом жизни, впрочем, он ничем не отличается от всякого усердного рабочего: с солнечного восхода он уже в поле, весною сам ходил также за сохой, летом брался за косу, за серп, за цепы, не на целый день, а так, на час, на другой, не то для моциона, не то для надзора за рабочими. Вернется домой – и тотчас на конский завод, на конюшню, на скотный двор. А кончат свое дело другие, он сам не думает еще об отдыхе, засиживается до полночи за конторской работой и книгами. Временами ездит и в уездный город заключить

продажу или контракт. Люти им просто не нахвалится: молодому человеку двадцать лет, не больше, а на диво, дескать, толковый, рассудительный, принимает к сведению всякое наставление, если же раз возразит, то так метко, что поневоле согласишься, неизменно вежлив и приветлив, но без раболепного искательства. С крепостными и с батраками он, пожалуй, чересчур даже кроток: обращается как равный с равными, никого еще, кажется, не побил, почти никогда не возвышает голоса и только лентяям не дает потачки. Говорит он с людьми, представь себе, уже по-эстонски: изумительная способность к языкам! Но по происхождению он, несомненно, русский: по-немецки хотя и объясняется довольно свободно, но акцент и обороты речи у него явно русские.

Все это, конечно, не давало бы ему еще права на внимание у наших дворян: попадают ведь и среди плебеев порядочные люди. Интригует всех главным образом перстень на указательном пальце его правой руки. Откуда у простого волонтера мог взяться такой драгоценный перстень: с огромным рубином и с бриллиантовыми вокруг розетками? Мы нарочно поручили нашему управляющему выпытать у него историю этого перстня. И что же ты думаешь? Когда тот неожиданно поставил ему вопрос, не подарок ли это высокопоставленного лица, он видимо замялся:

– Да, подарок...

– Но с таким чудным рубином, точно кровь! А кстати, о крови высокопоставленных лиц, – прибавил управляющий. – Слышали вы, что вашему первому кабинет-министру Волынскому, по повелению царицы, отрубили голову?

Молодой человек как смерть побледнел, сорвал с пальца перстень и хотел уже, казалось, бросить его, но вдруг все-таки одумался и положил в карман. С тех пор никто уже не видел на руке у него перстня.

Какое же отношение имеет тот перстень к казенному кабинет-министру? И кто он сам, этот таинственный незнакомец? Не опальный ли аристократ?

После всего этого ты поймешь, конечно, что и мне хотелось взглянуть раз на него. Я попросила отца пригласить его к нам, как знатока лошадей. Отец написал ему записку. Он не заставил себя ждать и приехал к нам на другой же день. Когда отец прошел с ним на конюшню, я вошла туда же. Отец представил нас друг другу. Он чинно мне поклонился, но когда поднял голову и взглянул на меня, то вдруг покраснел и сейчас же заговорил с отцом о лошадях. Говорил он дельно и умно, как старый коневод, но избегал глядеть на меня, а в то же время украдкой все-таки посматривал в мою сторону, точно сравнивая меня с кем-то. Тут мне вспомнилось, что между нами с тобой есть большое фамильное сходство.

– Скажите, господин Тамбовский, – спросила я его. – Вы ведь прямо из Петербурга?

Отрицать этого он не мог и отвечал:

– Да, из Петербурга.

– И бывали при дворе?

Он опять как будто смешался.

– При дворе?.. – повторил он. – Я не из придворного круга.

– Однако же все-таки встречали, быть может, мою кузину Лили Врангель?

Все лицо его как огнем охватило.

– Н-нет... то есть я имел как-то случай видеть вашу кузину, но с нею не знаком... Простите, господин барон, – обратился он к моему отцу. – Я отлучился из Ранцена на самое короткое время, там меня ждут...

Отец его не удерживал.

Ты, Лили, пожалуйста, не думай, что я им серьезно заинтересовалась, ай, нет! Собой он хоть и недурен, но русского типа, и поэтому уже не может идти в сравнение с нашими баронами. Интересует меня только вопрос: зачем он скрывает свое знакомство с тобой? И я решила искать новой встречи с ним, чтобы проникнуть в эту тайну, понимаешь, только для этого, ни для чего иного!

От нас до границ Ранцена, как ты знаешь, всего три версты. После твоего отъезда я редко уже ездила верхом: одной ездить скучно. Теперь же я велела седлать себе Стеллу каждый день и проезжала большой дорогой по владениям Миниха, а иногда и мимо самого замка. Так я почти всякий раз видела Тамбовского (обыкновенно также верхом) то там, то сям, в поле или около надворных построек среди рабочих. Но он меня как будто нарочно не замечал.

Однажды (то было уже в августе) у моей Стеллы ослабла подпруга. Я крикнула ранценским мужикам, чтобы кто-нибудь помог мне подтянуть ремень. На этот раз Тамбовский не мог уже сделать вид, что меня не слышал. Он пустил свою лошадь в карьер, перелетел через ров, через плетень и был уже у меня. Такого ловкого всадника я, признаюсь, никогда еще не видела. Пока он подтягивал подпругу, я ему заметила, что у меня никогда не хватило бы духу перескакивать через рвы и плетни.

– Всякое начало, баронесса, трудно, – сказал он. – Для меня, например, было вначале также непривычно пахать землю, косить траву...

– Но для чего вы это вообще делаете? – спросила я и взглянула при этом на его руки: они у него загорели от солнца, но были чисты, ногти опрятны, как у дворянина, а на указательном пальце правой руки белела светлая полоска от снятого перстня.

– Да ведь должен же я уметь делать все то, что делают рабочие, – отвечал он. – Теперь я сам могу всякого обучить его делу.

– Так вы думаете, что и я тоже научилась бы брать препятствия?

– Без сомнения.

– Но мы со Стеллой моей обе такие трусихи... Вот если бы вы показали нам, как это делать...

Он не мог уже, конечно, отказаться.

– С удовольствием, – сказал он. – Вы, баронесса, только не отставайте от меня.

И вот мы поскакали рядом. Представь себе, Стелла, в самом деле, перенесла меня через ров! Взять плетень я, однако, еще не решилась.

– Ну, как-нибудь в другой раз, – сказал он.

И так-то, чтобы научиться этому, я на другой день съехала с ним снова, а потом еще... Не стану распространяться. Встречаясь, мы, разумеется, не молчали, говорили о том, о другом, а всего больше о Петербурге. Весь придворный круг, оказывается, он знает как свои пять пальцев, но ни о себе самом, ни о тебе ни слова. Когда же я сама упоминала о тебе, он тотчас переводил речь на что-нибудь другое.

С сентября полевые работы кончились, а с ними сами собой прекратились и наши верховые прогулки. Скоро уже месяц, что я его не видела, и не то что скучаю по нем, а так будто чего-то мне недостает. Знай я наверное, что в жилах его течет синяя кровь, можно было бы пригласить его бывать у нас в доме; если же он из простых, то я о нем, понятно, больше и думать не стану.

Так вот, милая Лили, моя просьба: напиши мне все, что тебе известно про этого Григория Тамбовского (или как бы он там ни назывался), а также что у тебя вышло с ним? Описывать его тебе едва ли нужно, но, чтобы не было никаких уже недоразумений, дам тебе его портрет: ростом он выше среднего, строен и гибок, волосы у него темно-русые и курчавые, глаза серые, но смотрят необыкновенно ясно и приветливо, а уж улыбка!.. Чтобы слишком тебя не раздражить, лучше не дописываю. Прибавлю только, что у него привычка пощипывать, покручивать свои усики, которые, признаться, ему очень к лицу.

Итак, я жду твоего ответа с первой же почтой. Если ты мне не сейчас ответишь, то я тебе этого никогда не прощу, слышишь – никогда!

Твоя тебя любящая кузина

Лили Врангель».

Читая это письмо, Лили несколько раз менялась в лице, кусала до крови губы. Дочитав до конца, она в сердцах смяла письмо в комок и бросила на пол. Но, немного погодя, подняла его опять с полу, тщательно разгладила и стала перечитывать. Результатом был следующий ответ:

«Милая Мизи!

Кто твой таинственный незнакомец, я хоть и догадываюсь, но открыть тебе не смею, так как сам он того, по-видимому, не желает. Могу сказать тебе разве одно, что в жилах его нет ни капельки синей крови и что удален он отсюда сроком на один год. Но так как новый наш регент, в числе разных милостей, сократил также многим ссыльным срок наказания, то к возвращению твоего незнакомца теперь же в Петербург едва ли есть препятствия. Если ты хочешь сделать ему приятность, то, может быть, дашь ему знать об этом.

Твоя тебя любящая кузина

Лили Врангель».

Глава третья

Регент бряцает оружием

Недолго продолжалось благодушное настроение Бирона. Во всех гвардейских полках у него были свои «уши», руководимые главным шпионом, майором Альбрехтом, они аккуратно доносили о каждом подслушанном ими неосторожном слове гвардейцев. Всего решительнее высказывался поручик Преображенского полка Ханыков:

– Для чего министры управление империей поручили герцогу курляндскому помимо родителей императора? Лучше бы до возраста государева управлять его отцу или матери. Регентово намерение, сказывают его служители, ко всем милость показать, а к нам в Преображенский полк все рослых людей из курляндцев набирают, чтобы полку-де оттого красота была, и немцами нас, русских всех, того гляди, из полка вытеснят. Учинить бы тревогу барабанным боем: вся гренадерская рота пошла бы за мною, пристали бы к нам и другие солдаты, и убрали бы мы регента и его сообщников.

Ханыкову поддакивали некоторые товарищи, а на шестой день регентства Бирона, 23 октября, все они были уже арестованы и подвергнуты допросу, сперва обыкновенному, а потом и пристрастному.

На следующий день в «Сенатских ведомостях» был опубликован от имени младенца-императора указ о ежегодных выдачах его родителям и цесаревне Елизавете. Но цесаревна не приняла подачи регента в 50 тысяч и велела сказать ему, что довольна уже тем, что ей раньше назначено по милости покойной царицы, грабить малолетнего царя она не желает.

Легко себе представить, как такой резкий ответ должен был взбесить высокомерного Бирона.

А тут к нему поступили еще доносы на принца Антона-Ульриха, который, по словам секретаря конторы принцессы Анны, Семенова, сомневается будто бы в подлинности указа усопшей императрицы о регентстве, посылает своего адъютанта Граматина с тайными поручениями к посланнику брауншвейгскому Кейзерлингу и намерен сам захватить власть. Семенов, Граматин и некоторые близкие им лица были тотчас также взяты и отосланы для допроса в тайную канцелярию розыскных дел. Сам же Бирон отправился к принцу и со свойственной ему грубостью наговорил ему разных дерзостей. Когда же всплывший Антон-Ульрих схватился невольно за рукоятку шпаги, герцог брякнул своей собственной шпагой и крикнул:

– Вам угодно, принц, чтобы я разделался с вами этим путем? Извольте!

Принц оторопел.

– Да я вовсе и не думал...

– То-то, что вы ни о чем, кажется, не думаете! Вы, может быть, рассчитываете на свой Семеновский полк? Напрасно. Если русские не очень-то любят меня, курляндца, то вас, иностранца, они знать не хотят. А принцесса сама называет всех русских канальями. Так чего же вы оба хотите, чего добиваетесь? Чтобы я вызвал из Голштинии молодого принца Петра?² Он родной внук царя Петра I, и русский народ примет его с восторгом.

– Ниче-че-го я не хочу-чу-чу... – окончательно опешил бедный заика-принц.

Не успел он еще прийти в себя, как его пригласили в чрезвычайное собрание кабинет-министров, сенаторов и генералитета. Оказалось, что он предстал в качестве обвиняемого перед верховным судилищем. Бирон изложил собранию все показания, выпитанные у арестованных в тайной канцелярии, а в заключение поставил Антону-Ульриху прямой вопрос:

² Сын дочери Петра Великого, Анны Петровны, впоследствии император Петр III.

– Ваше высочество не станете теперь, я надеюсь, отпираться, что у вас была тайная цель – изменить постановление о регентстве?

Растерявшийся принц, глотая слезы, залепетал что-то невнятное.

– Да или нет? – переспросил его регент.

– Да...

– Вы хотели произвести бунт и завладеть регентством?

Антон-Ульрих в ответ только всхлипнул.

– Извольте видеть, милостивые государи? – обратился Бирон к собранию, театрально разводя руками.

Тут поднялся с места генерал Ушаков, начальник тайной канцелярии, или, как его называли в народе, «заплетный мастер», и заговорил менторским тоном:

– Если вы, принц, будете вести себя так, как приличествует отцу царствующего императора, то вас и будут почитать таковым, в противном же случае с вами будут обращаться как с другими нарушителями законов. По свойственному молодости тщеславию и неопытности, вы дали обмануть себя, но буде вам удалось бы исполнить ваши преступные ковы и произвести аларм³, я вынужден был бы с крайним прискорбием обойтись с вами столь же строго, как с последним подданным его величества.

За «заплетным мастером» выступил снова герцог.

– Вот подлинная декларация незабвенной нашей царицы Анны Иоанновны о регентстве, – указал он на лежавший на столе перед ним пергаментный лист и повторил содержание декларации, дополняя ее своими комментариями. – Так как я имею право отказаться от регентства, то пусть настоящее собрание сочтет ваше высочество к оному более меня способным, я в сей же момент передам вам правление.

– Помилуйте, герцог! Продолжайте, пожалуйста, править для блага России! – раздались кругом голоса.

– Просим, просим! – подхватили остальные.

Благосклонным наклоном головы поблагодарив собрание за высокое доверие, Бирон взял со стола пергаментный лист и показал его первому кабинет-министру, графу Остерману:

– Позвольте спросить ваше сиятельство: та ли самая эта декларация о регентстве, которую вы подносили к подписи покойной государыне?

– Та самая, – подтвердил Остерман.

– И никто за сим из вас, милостивые государи, в подлинности оной уже не сомневается?

– Никто, никто! – отвечал дружный хор голосов.

– Если так, то я покорнейше просил бы все почтенное собрание скрепить сей документ своими подписями и печатями.

Все присутствующие члены верховного судилища, по старшинству, приложили к документу и руку, и печати. Тогда Бирон подал перо и Антону-Ульриху:

– Не угодно ли и вашему высочеству поставить здесь ваше имя?

Всякое возражение было бы принято за новый протест, и принц, не прекословя, расчеркнулся. Но, возвратясь во дворец, он тотчас же прошел к своей супруге и излил перед ней и ее двумя фаворитками всю накипевшую у него на сердце горечь.

– И вы, принц, поверили тоже и подписались! – воскликнула Юлиана.

– Он подпишет свой собственный приговор, лишь бы не перечить Бирону! – не утерпела со своей стороны заметить и Анна Леопольдовна.

Предсказание ее, если и не буквально, то в переносном смысле, оправдалось. Несколько дней спустя Антону-Ульриху было предложено подписать такого содержания просьбу к его собственному сыну:

³ Тревога (*фр.*).

«Всепресветлейший, державнейший великий государь-император и самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

По всемилостивейшему ее императорского величества блаженные и вечнодостоинные памяти определению пожалован я от ее императорского величества в чины – подполковника при лейб-гвардии Семеновского полка, генерал-лейтенанта от армии и одного кирасирского полка полковника.

А понеже я ныне, по вступлении Вашего императорского величества на всероссийский престол, желание имею помянутые мои военные чины низложить, дабы при Вашем императорском величестве всегда неотлучным быть, того ради Ваше императорское величество все-нижайше прошу, на оное всемилостивейше соизволяя, от всех тех доньше имевшихся чинов меня уволить и Вашего императорского величества указы о том, куда надлежит, послать, также и всемилостивейше определение учинить, чтобы порозжие через то места и команды паки достойными особами дополнены были.

Вашего императорского величества нижайший раб Антон-Ульрих».

В удовлетворение такой просьбы, 1 ноября последовал высочайший указ, подписанный, от имени императора, «Иоганном регентом и герцогом».

Между тем стали ходить упорные слухи о том, будто бы старшего сына своего, Петра, регент намерен женить на цесаревне Елизавете, а свою дочь выдать замуж за герцога голштинского Петра, чтобы таким образом обезопасить себя от двух этих претендентов на русский престол. Толковали еще, будто бы ко дню рождения герцога, 13 ноября, из Москвы прибудет командовавший там войсками брат его, и как брат, так и зять герцога, генерал Бисмарк, будут произведены в фельдмаршалы. Фельдмаршал же Миних, первый министр Остерман и несколько других, не в меру влиятельных лиц, будут арестованы. Говорили, наконец, что принца и принцессу Бирон замышляет вовсе услатить из России, чтобы они не могли уже вмешиваться в его регентство от имени их сына.

Глава четвертая

Прелюдия к государственной авантюре

Так наступило 7 ноября. Молоденькая камер-юнгфера и любимица принцессы, баронесса Лили Врангель, понятно, разделяла тревоги своей августейшей покровительницы. Но беспокоило ее столько же, если еще не более, свое личное дело: будет ли иметь какое-либо последствие ее ответ кузине Мизи Врангель относительно Гриши Самсонова, который какими-то судьбами очутился в Лифляндии и зачем-то переименовался в Григория Тамбовского. Правда, что сама она ведь, в сердцах за его безумную дерзость, запретила ему показываться ей на глаза в течение целого года. Вот он и убрался вон, даже не простившись... Вернется ли он теперь или не вернется?

Так волновалась она, когда внезапно ее вызвали в приемную, где ее желал бы видеть мужик из деревни.

– Мужик? – переспросила она, недоумевая. – Из какой деревни?

– А из Лифляндии от ваших родных.

Лили чувствовала, как она побледнела и как сердце в груди у нее екнуло.

«Верно, от Гриши! Или, пожалуй, с новым письмом от Мизи».

С трудом подавляя свое волнение, она отправилась в приемную. Там не оказалось никого, кроме приезжего.

То был действительно мужик в нагольном тулупе с густой русой бородой, и поздоровался он с нею по-эстонски:

– Terre, terre, prälén! {Здорово, барышня!}

Голос как будто знакомый, да и вся фигура и оклад лица, но эта борода... Она спросила на том же языке, от кого он прислан. Вместо ответа мужик рассмеялся, обнажив при этом ряд своих белых и ровных, словно выточенных из слоновой кости, зубов. Тут у нее не осталось уже никакого сомнения, что это он же, друг ее детства.

– Так это все-таки ты сам, Гриша! – пробормотала она, вся радостно зардевшись. – Но как ты оброс!

Опасливо оглядевшись по сторонам, он снял свою приставную бороду. Только над верхней губой у него чернели его собственные усики, придававшие его загорелому юношескому лицу некоторую возмужалость.

– Этак, Лизавета Романовна, я, может, больше на себя похож?

– Теперь-то ты опять самим собой стал.

– А вы совсем уже другие: настоящей придворной фрейлиной стали. Да как похорошели! Лили насупилась.

– Не говори глупостей! Расскажи-ка лучше, как ты от Волынского попал к молодому Миниху в Лифляндию?

При имени покойного первого кабинет-министра, незаслуженно погибшего такой позорной смертью, ясные черты юноши омрачились.

– Я сейчас только с могилы Артемия Петровича, – проговорил он со вздохом. – Упокой Господь его душу!.. Когда его арестовали, он дал мне на прощанье записку к фельдмаршалу графу Миниху. Чтобы меня здесь не хватились, молодой граф услал меня тотчас в свою вотчину Ранцен...

– Так тебя могут и теперь взять к допросу в тайную канцелярию, как других людей Волынского!

– Могут каждую минуту, очень просто. Вот потому-то я и купил себе дорогою в Нарве у брадобрея эту фальшивую бороду.

– Так надень же ее поскорей, надень! Неравно тебя кто-нибудь здесь еще узнает... А молодой граф не очень осерчал, когда ты вернулся в Петербург без спросу?

– Не то чтобы осерчал, а испугался: из-за меня ведь и ему может не поздоровиться от Бирона.

– Но что ты сказал ему, чтобы оправдаться?

– Да ведь осенние работы в Ранцене все справлены. Лютц, старик-управляющий, до весны легко может обойтись без меня. Вот я и испросил себе у старика отпуск, чтобы лично, мол, доложить графу обо всем, что сделано там за лето и что следовало бы сделать будущим летом.

Говоря так, Самсонов привязал себе опять фальшивую бороду. При этом Лили имела случай проверить то, о чем ей писала кузина ее Мизи: что руки и ногти у него вполне опрятны и что на указательном пальце у него нет уже драгоценного рубинового перстня с бриллиантами, который был пожалован ему царицей Анной Иоанновной во время свадьбы карликов.

– А куда ты, Гриша, дел свой перстень? – не утерпела спросить Лили.

– Носить его я все равно не стал бы после того, как он, можно сказать, обагрился неповинной кровью Волынского, – отвечал Самсонов.

– Но что же ты сделал с ним? Подарил кому-нибудь?

– Нет, продал сегодня бриллианщику Позье.

– Продал! Но ведь деньги за него тоже кровавые?

– Я их и не оставил себе, а отдал все до копейки священнику церкви Самсония на вечное поминовение души раба божия Артемия...

И бывший слуга казенного первого кабинет-министра отвернулся, чтобы украдкой отереть с ресниц непрошеную слезу.

– Ты очень, знать, любил Волынского? – сочувственно заметила Лили.

– И не говорите! Что-то без него станется с нашей бедной Россией!

– Да и с нами со всеми!

– Ну, вам-то, Лизавета Романовна, и горя мало: вы состоите при самой принцессе.

– Да ведь Бирон злобится на принцессу, а того более на принца, и грозил уже услатить обоих домой в Брауншвейг. На будущей неделе – день его рождения, и ожидают, что он выпустит еще какой-нибудь манифест, чтобы самому совсем укрепиться. Того гляди, что всех нас тоже арестуют...

– Так чего же вы еще медлите? Ведь вся гвардия его ненавидит. Арестуйте его самого и спровадьте куда-нибудь на край света.

– Так вот его и арестуешь! Двумя гвардейскими полками командуют его близкие родные: Конным полком – его старший сын Петр, а Измайловским – родной брат Густав Бирон.

– Поговорить бы принцессе насчет этого с фельдмаршалом Минихом...

– А тот ее, ты думаешь, не выдаст?

– Помилуйте! А уж войска за него в огонь и в воду. Кто вел их в туретчину? Миних. Кто день и ночь пекся о том, чтобы им жилось тепло и сытно? Миних. Родом он хоть и из немцев, но душа у него, как вот у вас, русская.

Слова товарища детства произвели на молодую девушку глубокое впечатление.

– Да кто надоумит принцессу?... – проговорила она в раздумье. – Она слушает только фрейлину Юлиану.

– Так потолкуйте с фрейлиной.

– Нет, та меня и слушать не станет.

– В таком случае ничего не остается, жак попытаться вам самим. Не откладывайте только в долгий ящик. А теперь, Лизавета Романовна, будьте здоровы.

– Да, да, Гриша, уходи, да, смотри, не попадись бироновцам.

До вечера Лили не имела случая говорить без свидетелей с принцессой, так как, по желанию самой Анны Леопольдовны, она почти весь день проводила в царской детской. Дело в том,

что еще с лета в Петергофе Иоанн Антонович до такой степени привык к Лили, что на руках у нее успокаивался даже скорее, чем у собственной кормилицы-чухонки. Но в данное время у него прорезывались первые зубки, и Лили не удалось еще уложить его в постельку, когда в детскую вошла принцесса, чтобы перед сном поцеловать сыночка.

– Он все еще не может заснуть? – спросила она. – Что с ним?

– Верно, предчувствует, бедняжка, что его скоро разлучат с родителями! – со вздохом отвечала Лили.

– Что ты болтаешь такое! От кого ты слышала?

– Это в воздухе носится. В четверг все, вероятно, решится.

– В четверг?

– Да ведь в четверг, ваше высочество, тринадцатого ноября – день рождения герцога, и в этот день, говорят, сыновья его будут провозглашены ближайшими наследниками на русский престол, а вас с принцем попросят уехать в Германию.

Анна Леопольдовна, слышавшая уже нечто подобное от Юлианы, не на шутку всполошилась.

– Нет, этому я не верю, не верю! – пробормотала она. – Герцог все-таки не посмеет...

– Простите, принцесса, – еще настоятельнее заговорила Лили, – но чего этот человек не посмеет? Он до того уже зазнался, что самых знатных, самых почтенных лиц принимает у себя в шлафроке, вместо всей руки подает кому три, кому два пальца. Если же кто по ошибке назовет его по-прежнему светлостью, а не высочеством, то он приходит в ярость. Помяните мое слово: его будут величать уже не высочеством, а величеством.

– Но это ужасно! Это Бог знает что такое! – воскликнула Анна Леопольдовна. – И никого, ни одной души, кто защитил бы меня от чудовища!

Она заплакала и, ломая руки, бессильно упала в кресло.

– Вашему высочеству не надо сразу отчаиваться, – продолжала Лили, – вам надо действовать.

– Действовать?

– Прежде чем герцог успеет привести в исполнение свой замысел, арестуйте его самого.

– В уме ли ты; моя милая! Мне ли, слабой женщине, пускаться в такую авантюру?

– Само собой разумеется, что распорядиться всем должен фельдмаршал Миних. Он вам искренне предан, а самого его войско боготворит.

– Это-то правда... Разве уж посоветоваться с фельдмаршалом?

– Непременно, ваше высочество, и не отлагая ни одного дня. Молодой граф, должно быть, еще здесь; он мог бы передать ваше желание отцу.

– Но как же так, без Юлианы? Я услала ее уже спать, у нее жестокая мигрень...

– Юлиана тоже уважает его больше всех. А каждая минута дорога. Так прикажете позвать к вам молодого Миниха?

– Позови...

Сын фельдмаршала, гофмейстер принцессы и камергер ее сына, действительно оказался еще в дежурной. Анна Леопольдовна сообщила ему свое желание завтра же видеть его отца, но под каким-нибудь благовидным предлогом, чтобы не было лишних толков.

– Предлог есть, – отвечал молодой Миних. – Отец и без того собирался на днях привезти к вашему высочеству нескольких кадет, которых наметил в пажи.

– Вот и прекрасно. Так утром я ожидаю фельдмаршала с его кадетами.

Глава пятая

Регента «усыпляют»

На следующее утро, 8 ноября, фельдмаршал Миних прибыл во дворец в сопровождении молодого адъютанта и нескольких кадет. В ожидании предстоящего ей репистельного разговора с глазу на глаз с фельдмаршалом о задуманной авантюре Анна Леопольдовна была в таком нервном возбуждении, что, не дослушивая его объяснений о представляемых в пажи кандидатах, вперед уже на все соглашалась:

– Хорошо, хорошо, граф... Кого же из них вы сами мне предлагаете?

Когда же Миних указал ей, что таких-то он рекомендовал бы в пажи к государю императору, а таких-то в пажи к ней самой, принцесса протянула юношам для поцелуя руку:

– Так поздравляю вас, господа, пажами! Скоро мы с вами опять увидимся. А теперь, граф, мне надо бы еще переговорить с вами.

Молодой адъютант Миниха за все время не проронил ни слова, но Лили не могла не заметить, что глаза его то и дело направляются в ее сторону, точно притягиваемые магнитом. А уходя с кадетами, он отдал поклон сперва принцессе, а потом и ей, Лили.

Когда тут Анна Леопольдовна прошла с Минихом в смежную комнату и не позвала даже с собой своей наперсницы, Юлианы Менгден, та, оставшись в приемной вдвоем с Лили, не утерпела сорвать на ней свое сердце:

– Что это у тебя, скажи, с Манштейном?

– У меня – с кем? – переспросила, неудомевая, Лили.

– Да с этим адъютантом фельдмаршала!

– Я и не знала, что его зовут Манштейном.

– Ну да, рассказывай. Если же не знала, то тем непростительнее с ним так переглядываться.

Лили справедливо возмутилась:

– Что вы говорите, Юлиана? Я и не думала глядеть на него.

– Но он с тебя глаз не спускал, а потом отдельно еще тебе поклонился.

– Так я-то чем виновата? Разве я могу запретить человеку глядеть на меня!

– Но ты в ответ на его поклон сделала реверанс.

– Мне кажется, этого требовала простая вежливость.

– Молодым кавалерам девицы не делают реверанса, а кивают только вот этак головой.

– На будущее время буду знать, а от Манштейна нарочно уже буду отворачиваться.

Таким заявлением щепетильной гоффрейлине пришлось пока удовлетвориться.

Совещание принцессы со стариком-фельдмаршалом продолжалось довольно долго. Наконец дверь отворилась и показался Миних. По его решительному виду можно было догадаться, что вопрос об аресте регента решен в утвердительном смысле.

– Вот что, милая Юлиана, – обратился он к фрейлине (как свекор ее родной сестры, он обходился с нею запросто). – Ты нынче вечером свободна?

– Свободна. А что?

– Я предлагал принцессе лично навестить сегодня герцогиню Бирон, но она и слышать о том не хочет. Между тем необходимо усыпить бдительность и герцогини и самого герцога. Я напрошусь к ним уже на обед, пробуду там, может быть, и до ужина. А ты, Юлиана, вместе с сестрой поезжай туда вечером.

– И остаться также к ужину?

– Непременно, до самой полночи. При этом старайся быть возможно непринужденнее и любезнее с обоими хозяевами. Да тебя, впрочем, нечего учить. А когда вернешься опять сюда, во дворец, то на всякий случай не раздевайся, а приляг в платье.

– Хорошо. Но караульные пропустят ли вас сюда ночью?

– С вечера весь караул как здесь, так и у герцога в Летнем дворце будет от моего Преображенского полка. Каждый из моих солдат знает меня в лицо. До свиданья же у Биронов!

Тут только, обернувшись, фельдмаршал заметил стоявшую в стороне Лили.

– И вы тут, баронесса? Вы слышали весь наш разговор?

– Слышала, граф, – отвечала она, – но никому ничего не разболтаю.

– На нее можно положиться, – подтвердила со своей стороны Юлиана, но все-таки сочла нужным сделать ей еще внушение, после чего услала ее в детскую к младенцу-государю, который без нее, пожалуй, соскучился.

Большую часть этого дня Лили так и пробыла в детской. Но когда Юлиана с сестрой своей, согласно инструкции Миниха, уехала вечером в гости к герцогине Бирон, Лили испросила у Анны Леопольдовны разрешение продежурить рядом с ней в гардеробной, пока фрейлина не возвратится. Ей ни за что не хотелось проспять того события, которое должно было совершиться в эту же ночь.

Молодость, однако, взяло свое. Привыкнув ложиться спозаранку (так как Иоанн Антонович просыпался поутру очень рано и будил ее своим криком), Лили незаметно задремала в гардеробной, где прикорнула на диванчике. Внезапно, сквозь сон, чрез неплотно притворенную дверь до ее слуха долетели голоса принцессы и гоффрейлины. Она насторожилась.

– Значит, они ничего еще не подозревают? – спрашивала принцесса.

– Ничего, – отвечала Юлиана. – Герцогиня показывала мне и сестре новое коралловое ожерелье, которое выписала себе из Венеции, и очень интересовалась тем, как переделываются теперь ваши драгоценные вещи.

– Ну, конечно! Ничто другое ее ведь не интересует. А герцог?

– Герцог весь вечер был как-то особенно задумчив. Совершенно неожиданно он спрашивает вдруг фельдмаршала, не случилось ли ему во время похода предпринимать что-нибудь важное в ночную пору.

– Вот видишь ли! – воскликнула принцесса. – А что же Миних?

– В первый момент он был как будто озадачен. Но то был всего один момент. Он тотчас овладел опять собой и отвечал, что, сколько ему помнится, ночью он никогда ничего не предпринимал, вообще же у него правило – пользоваться обстоятельствами.

– Как неосторожно! Бирон, пожалуй, все-таки еще догадается.

– Не думаю. Расстались они старыми друзьями. Принцу ваше высочество ничего ведь еще не говорили?

– Ни слова. Он только испортил бы все дело. А теперь, Юлиана, что нам-то делать?

– Вооружиться терпением. Вы, ваше высочество, ложитесь и постарайтесь заснуть. Когда нужно будет, я уже разбужу вас.

– А сама ты где же будешь?

– Да здесь же, в гардеробной.

Лили быстро вскочила со своего диванчика и выскользнула из гардеробной, чтобы не слышать репримандов Юлианы. Но ушла она не к себе, а в детскую, где угнездилась в кресле около колыбельки царственного младенца. Но тут сон опять одолел ее, и она после уже узнала о том, что было во время ее сна. Было же вот что:

Около двух часов ночи фельдмаршал Миних приехал в карете за принцессой, чтобы отвезти ее в Преображенские казармы. Там она должна была заявить солдатам, что согласна на предприятие фельдмаршала. Но Анна Леопольдовна не могла превозмочь своей природной робости и отказалась ехать. Миниху с трудом удалось уговорить ее выйти по крайней мере в

приемную к сопровождавшим его офицерам. Здесь она прерывающимся от слез голосом сказала им небольшую речь:

– Очень рада вас видеть, господа... Вы знаете, сколько обид претерпели мы от герцога курляндского, я и мой супруг... Того ради мы рассудили арестовать герцога... Вот господин фельдмаршал взялся, никого не компрометируя и koliko можно в секрете, исполнить это трудное предприятие... От его успеха зависит спокойствие и счастье целой империи... Уповаю, господа, что вы не откажете в секурсе⁴ вашему генералу, как подобает честным и храбрым офицерам?

Растерянный вид ее был так трогателен, что офицеры отвечали в один голос:

– Рады стараться, ваше высочество!

Принцесса окончательно расчувствовалась и бросилась на шею старику-фельдмаршалу, а потом допустила к руке и всех офицеров.

– Торопитесь, господа, торопитесь, – говорила она им, всхлипывая, – и дай вам Бог полного успеха!

По уходе фельдмаршала и офицеров она все еще не могла справиться со своими нервами и нигде не находила себе места: прошла к своему гофмейстеру, Миниху-сыну в дежурную, чтобы в разговоре с ним отвести душу, разбудила потом своего, ничего не чаявшего, супруга и откровенно рассказала ему обо всем, после чего вместе с ним и с Юлианой отправились в детскую. От голосов их Лили проснулась и поспешно поднялась со своего кресла. Сколько раз то она, то Юлиана выходили узнать, нет ли какого посланца от фельдмаршала. Наконец Юлиана вбежала с вестью:

– Фельдмаршал вернулся! Все поспешили в приемную.

⁴ Помощь (лат.).

Глава шестая

Как завершилась авантюра

– Поздравляю, ваше высочество! Регент арестован! – были первые слова Миниха.

Анна Леопольдовна набожно перекрестилась:

– Слава тебе Господи!

И в порыве благодарности, не стесняясь присутствия супруга, она расцеловала счастливого вестника в обе щеки.

– Где же он теперь?

– Он здесь же, в Зимнем дворце, под строгим караулом. В эту минуту арестуют также его брата, Густава Бирона, и Бестужева-Рюмина.

– Кабинет-министра?!

– Да ведь Бестужев – первый клеврет герцога. К остальным высшим сановникам я разослал гонцов, чтобы все они были здесь к девяти часам утра – принести поздравление вашему высочеству, а войскам приказано быть в сборе на Дворцовой площади еще часом раньше. Завтра два преданных мне офицера командированы – один в Москву, другой в Ригу – арестовать обоих генерал-губернаторов: Карла Бирона и зятя герцога, генерала Бисмарка.

– Обо всем-то вы подумали, граф, ничего не забыли! А герцогиня?

– Герцогиня... Пока она оставлена с детьми в Летнем дворце под караулом.

– Вот-то, я думаю, бедная перепугалась!

– Да... в перепуге она прямо с постели выскочила на улицу.

– Бог ты мой! При двадцатиградусном морозе! Но расскажите, граф, пожалуйста, все по порядку.

– Когда я ушел отсюда с офицерами в третьем часу ночи, – начал фельдмаршал, – я поставил солдат в кордегардии⁵ под ружье.

– Всем вам, ребята, – сказал я, – хорошо ведомо, сколь великое утеснение чинится от регента нашему малолетнему государю и обоим его родителям. В гордыне и лютости своей границ он себе уже, не знает. Терпеть больше того невозможно. Надобно убрать регента. Вы, ребята, до сих пор всегда доблестно исполняли свой долг. Готовы ли вы и в сем деле служить государю?

И все сто двадцать солдат ответствовали как один человек:

– С радостью готовы служить государю! Ни головы, ни живота не пожалею.

– А ружья у вас заряжены?

– Никак нет.

– Так сейчас же зарядите.

Сорок человек с одним офицером я на всякий случай оставил здесь в карауле при знамени, с остальными же офицерами и восьмьюдесятью нижними чинами двинулся пешком к Летнему дворцу.

– Пешком в такой мороз! Но ведь у вас была карета? – заметила принцесса.

– Карета поехала за нами. Мой пример должен был поддержать дух солдат. Не доходя шагов двухсот до Летнего дворца, я выслал вперед Манштейна. Он вызвал ко мне караульного капитана с двумя младшими офицерами. Когда я объяснил им, что предпринимается, они с радостью изъявили также полную готовность. Тут я приказал им, ничего еще не говоря солдатам, пропустить к герцогу Манштейна. Выбрав себе двадцать человек с одним офицером,

⁵ То же, что гауптвахта (фр.).

Манштейн вошел во дворец... А! Да вот он и сам! – прервал Миних свой рассказ и обратился к входящему адъютанту:– Ну что, Манштейн, с братом регента у вас не было больших хлопот?

С изящной самоуверенностью преклонясь перед принцессой и принцем, Манштейн начал свой рапорт мужественным и сочным баритоном:

– Имею честь доложить, что у дома стоял караул от Измайловского полка в двенадцать человек с унтер-офицером. Как командир этого полка, Густав Бирон пользуется вообще расположением солдат, между которыми немало ведь курляндцев. Унтер-офицер, тоже курляндец, не хотел сперва впустить меня, но я указал на свой конвой и объявил, что при малейшем упорстве ни один из них не останется в живых. Тогда они покорились, и я беспрепятственно прошел в спальню их командира. Он спал так крепко, что я должен был его разбудить. Спросонек не узнав меня, он напустился на меня:

– Кто вы такой? И как вы посмели войти ко мне прямо в спальню?

– Я прислан к вам, – отвечал я, – от фельдмаршала графа Миниха.

Тут он разглядел, с кем имеет дело.

– Ах, это вы, Манштейн! Что же нужно фельдмаршалу?

– Дело, не терпящее отлагательства. Не угодно ли вам сейчас одеться?

Он стал спешно одеваться, а я отошел к окошку. Не совсем еще одевшись, он подошел ко мне:

– В чем же, скажите, дело?

– Дело в том, что мне приказано вас арестовать.

– Арестовать!

Он хотел открыть форточку, чтобы крикнуть своему караулу. Но я схватил его за руку.

– Брат ваш, герцог, уже арестован, – сказал я, – и если вы не дадите взять себя доброй волей, то будете убиты без всякого снисхождения. Эй, ребята!

Когда вбежали мои конвойные, он понял, что сопротивляться бесполезно, и просил только подать ему шубу. Против этого я, конечно, ничего не имел, посадил его к себе в сани и сдал здесь, в кордегардии.

– Превосходно, – одобрил Миних. – А теперь расскажите-ка их высочествам, как вы взяли самого регента.

– Главное затруднение для меня заключалось в том, – заговорил опять Манштейн, – что в Летнем дворце мне не было известно расположение всех комнат. Знал я только, что герцог со своим семейством занимает четырнадцать покоев и что вход к нему из антикамеры, где принимают послов. Пройдя садом к заднему крыльцу, я застал в прихожей нескольких дежурных лакеев. Но так как за мной следовал взвод солдат, то лакеи так растерялись, что ни один не догадался побежать предупредить своего господина. Я их уже не спрашивал и пошел наугад. Из посольской антикамеры я проник в первый внутренний покой, оттуда во второй. Далее была большая закрытая дверь.

Не спальня ли там? Я толкнул дверь. Изнутри она была хоть и замкнута на ключ, но не заперта на задвижки. От сильного толчка обе половинки двери разом раскрылись.

Я не ошибся: то была собственная спальня герцога. Освещалась она висячим фонарем, кровать же была с балдахином и занавеской. Я отдернул занавеску и увидел перед собой спящих глубоким сном герцогиню и герцога. Я их громко окликнул.

Оба тотчас проснулись и закричали, что было мочи:

– Караул! Караул!

Я стал было объяснять, зачем явился, но герцогиня, приподнявшись с подушек, продолжала кричать, а герцог, вообразив, должно быть, что настал последний его час, вскочил с постели (он лежал с другой стороны) и со страху полез под кровать. Я, однако, уже обежал кругом и схватил его. Он барахтался, брыкался и начал опять звать караульных.

– Караульных у меня к вашим услугам двадцать человек, – сказал я. – Сюда, ребята!

Подоспевшие ко мне на помощь конвойные справились с ним также не сразу. Герцог – человек, как вы знаете, очень сильный. Он стал работать кулаками, а одному солдату, который схватил его за горло, до крови укусил палец. Наконец они его все-таки осилили, скрутили ему руки офицерским шарфом, рот заткнули платком и на руках вынесли его из дворца. На улице я велел набросить на него солдатскую шинель, так как он был в одном белье...

– А я уступил ему мою карету и сам пошел опять пешком, – с сухой усмешкой досказал Миних, – последняя честь побежденному врагу!

– Вы, граф, можете еще шутить! – заметила с укоризной сострадательная Анна Леопольдовна. – А герцогиня, говорили вы, выбежала на мороз за мужем тоже в ночном туалете? Как вы ее не удержали, мосье Манштейн?

– Солдаты, ваше высочество, ее и не пускали, – отвечал Манштейн. – Но она вырвалась у них из рук. Я увидел ее уже на улице, на куче снега и велел отвести ее назад во дворец.

– Там у нее, наверно, найдется от простуды шалфей с малиной, – добавил Миних. – *A la guerre comme à la guerre*,⁶ принцесса.

Лили, подобно всем другим слушателям, не сводившая глаз с молодого адъютанта фельд-маршала, не могла не заметить, что временами его взоры словно невольно обращались в ее сторону, но затем он тотчас опять отводил их на принцессу.

Вошедший в это время паж доложил о прибытии цесаревны Елизаветы и первого министра, графа Остермана.

– Я послал за ними, – объяснил Миних, – чтобы сообща обсудить, что предпринять с бывшим регентом и как объявить народу в манифесте о вступлении вашего высочества в управление государством.

Совещание с цесаревной и канцлером затянулось почти до самого рассвета. Отставленного регента положено было поутру отправить в Шлиссельбургскую крепость до решения судом его дальнейшей участи, принцесса Анна Леопольдовна делалась правительницей на время малолетства своего сына, с титулом «императорского Высочества великой княгини российской», но самый титул должен был быть предложен ей советом первых чинов государства по принесении присяги, манифест же был сочинен тут же искусником по этой части Остерманом, чтобы он мог быть подписан без всякой задержки приглашенными во дворец к 9 часам утра министрами и генералитетом⁷.

Так закончилось регентство герцога курляндского Эрнста-Иоганна Бирона, продолжавшееся всего 22 дня: с 18 октября по 9 ноября 1740 года.

⁶ На войне как на войне (*фр.*).

⁷ В манифесте, именем императора Иоанна объявлялось всем верноподданным, что «хотя, по предписанию императрицы Анны, регентом был назначен герцог курляндский, но ему велено было свое регентство вести по государственным правам, конституциям и прежним преданиям и уставам, и особливо велено не токмо о ближайшем здравии и воспитании нашем попечение иметь, но и к родителям нашим и ко всей императорской фамилии почтение оказывать. Но вместо должного тому исполнения, он дерзнул не токмо многие противные государственным правам поступки чинить, но и к любезнейшим нашим родителям великое непочитание и презрение публично оказывать, и притом с употреблением непристойных угроз, и такие дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, которым не только любезнейшие родители наши, но и мы сами, и покой, и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли бы. И потому принуждены себя нашли, по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина, оного герцога от регентства отрешить и по тому же прошению всех наших верных подданных оное правительство поручить нашей государыне матери».

Глава седьмая

Своя рука – владыка

С раннего утра весть о низложении ненавистного временщика-курляндца облетела весь Петербург. Но те именно лица, которым по служебной их обязанности должно было быть известно, казалось бы, раньше других о готовящемся перевороте, узнали о нем позже очень многих простых обывателей столицы. К числу таких, ничего не чаявших должностных лиц принадлежал и полицеймейстер князь Шаховской, пользовавшийся особенным фавором Бирона. В оставшихся после него «Записках» Шаховской откровенно признается, что, когда перед рассветом, его разбудил полицейский офицер и объявил ему об аресте регента и о большом съезде в Зимнем дворце, он «ни малого воображения о том прежде не имея, в смятении был». Наскоро одевшись, он велел везти себя туда же, но дворец был окружен такой несметной толпой, что ему, Шаховскому, пришлось выйти из кареты, и он с большим трудом пробрался до крыльца.

«Всевидающий, защити меня!» – молился он про себя, когда подходил к придворной церкви, но «тут уже от тесноты продаться в церковь скоро не мог... Одни носят листы бумаги и кричат: „Изволите, истинные дети отечества, в верности нашей всемилостивейшей правительнице подписываться и в том Евангелие и крест целовать!“ Другие, жадно спрашивая, как и что писать, и вырывая один у другого чернильницу и перья, подписывались и теснились войти в церковь присягать и поклониться стоящей там правительнице в окружности знатных и доверенных господ».

В кишевшей на дворцовой площади народной толпе был и Самсонов. На его глазах ко дворцу подъезжали придворные экипажи за экипажами, подходили с распущенными знаменами, с барабанным боем и музыкой, войска. Вокруг него раздавались радостные клики с насмешками над Бироном и похвалами новой правительнице. А вот гром пушек с Петропавловской крепости, беглый ружейный огонь и трехкратное «Виват!» войск с звуками литавр и труб, возвестили, что молебствие в дворцовой церкви окончено и присяга исполнена. По всей площади прокатилось громогласное «ура», тхедхваченное неумолкающим перезвоном кололов всех столичных церквей.

«И, может быть, я сам сей этой радости народной причинен!... – подумалось Самсонову. – Отчего же у меня на душе так невесело?»

И вспомнилось ему тут все то, чего он наслышался о безволии принцессы Анны Леопольдовны, о ее полном равнодушии к государственным делам.

«Ну, что же делать! Приходится мириться с тем, что есть: слабая, но добрая правительница все же во сто крат лучше изверга Бирона...»

В это время из ворот дворца начали выкатывать на площадь бочку за бочкой «зелена вина» на угощение народа.

Господи Боже Ты мой, что случилось вдруг с этими тысячами мирных людей! Все разом, словно обезумев, громадной океанской волной ринулись к хмельному зелью, пуская в ход кулаки и локти, толкая и давя друг друга. Крупная брань и болезненные вопли... Позади остались одни слабосильные старики, да и тех зависть берет.

– Ишь, черти! – ворчит один. – Из-за кости с мозгом собаки грызутся!

– Грех сладок, а человек падок, – отзывается другой, а сам, облизываясь, утирает сивые усы. – Мужу вино, что колесу деготь.

А там, около бочек, после потасовки идут уже братские объятия и лобзанья, разливаются на всю площадь разгульные песни.

У Самсонова не стало уже сил быть свидетелем этих диких, но простодушных проявлений радости народной. Он поплелся восвояси и завалился спать, чтобы только поскорее забыться. Но еще до утра его поднял на ноги денщик старика Миниха:

– Вставай-ка, вставай, друг любезный. Фельдмаршал тебя к себе требует.

Когда Самсонов вошел в кабинет графа Миниха, кроме хозяина там оказался еще и сын его, а также их родственник, президент камер-коллегии барон Менгден, дядя баронессы Юлианы.

– У тебя ведь, говорят, изрядный почерк? – обратился к Самсонову фельдмаршал. – Изготовься же, очини себе перо.

Пока Самсонов очинивал свежее гусиное перо, у тех троих продолжалось совещание, разумеется, на родном их языке, но, говоря уже и прежде с грехом пополам по-немецки и пробыв затем полгода в остзейском крае, Самсонов понимал каждое их слово.

– Итак, – заговорил старик Миних, – каким отличием можно было бы оказать наибольшую приятность самой правительнице? В денежных средствах ее высочество отныне нуждаться уже не будет...

– Если позволите мне высказаться, – заметил Менгден, – с принятием титула императорское высочество принцесса имеет несомненное право возложить на себя орденские знаки Святого Андрея Первозванного...

– Верно. Траур ей, видимо, уже надоел, и она будет очень довольна являться на всех торжествах в светло-голубой ленте.

– Не пристойнее ли будет, – возразил Миних-сын, – доложить сперва о том самой принцессе и поднесение ей этого высшего знака отличия предоставить высшему учреждению – сенату?

– Правильно, – согласился отец. – Ты, мой милый, как ее гофмейстер, представишь на ее усмотрение список предполагаемых наград и при сем удобном случае упомянешь на словах также об Андреевской звезде...

– И ленте небесно-лазурного цвета? Не забуду! – улыбнулся сын. – С кого же мы начнем список?

– С кого, как не с вашего почтеннейшего батюшки? – заявил президент камер-коллегии. – Благодаря ему одному ее высочество провозглашена регентшей...

– Да чем вы меня еще наградите, милый барон? – сказал фельдмаршал. – Все ордена у меня есть, в армии я выше всех... Недостает мне разве еще звания генералиссимуса...

– Вот, вот!

– Простите, батюшка, – вмешался снова молодой Миних. – Но у меня есть основания думать, что принц Антон-Ульрих давно уже и во сне, и наяву мечтает об этом высоком звании.

– В самом деле?

– Я в этом уверен. Юлиана слышала из его собственных уст.

Фельдмаршал поморщился.

– В таком случае, конечно... Надо бы хорошенько выяснить еще это обстоятельство.

– Да есть ли у нас на то время? Указ о наградах должен быть нынче утром подписан, а принц, как вы знаете, до крайности обидчив и тщеславен. Не деликатнее ли будет, не спрашивая принца, прямо пожаловать его в генералиссимусы, а вам самим до времени удовольствоваться должностью первого министра?

– Гм... Но первым министром состоит теперь Остерман...

– Ну, для него мы придумаем какое-нибудь другое отличие. Кабинет министров без вас уже немыслим, а кому же быть первым в кабинете, как не вам?

– Будь так. Но нельзя ли как-нибудь хоть оговорить, что генералиссимусом следовало бы быть собственно мне...

– Что ж, это можно. Что, Самсонов, приготовил перо? – спросил по-русски молодой граф.

– Приготовил.

– Так пиши: «Ноября 10 дня всемилостивейше пожаловали мы: „1“. Любезнейшему нашему государю-родителю быть генералиссимусом, и хотя генерал-фельдмаршал граф фон Миних за его к Российской империи оказанные знатные службы и то ныне уже первый в Российской империи командующий генерал-фельдмаршал и в коллегии военной президент к пожалованию б сего знатного чина надежду иметь мог, токмо во всеижайшем к вышеупомянутом его высочеству почтении от сего высочайшего чина отрекается, притом же его высочество чин конной гвардии подполковника на себя принять изволил».

– А не покажется ли принцу такая оговорка несколько обидной? – заметил Менгден. – Точно его жалуют не за действительные его заслуги.

– Да ведь оно так и есть, – сухо отрезал старик Миних. – Диктуй далее, – сказал он сыну. Тот продолжал:

– «2. Генерал-фельдмаршалу графу фон Миниху по вышеписанным обстоятельствам и особливо в рассуждении при нынешнем случае нам, родителям нашим и всему государству оказанной усердной ревности, при которой он, оставляя свое и своей фамилии благополучие и не щадя пота и крови, поступал, дабы он по то время, пока ему Бог живот и силу продолжит, в состоянии был Нам ревностные услуги оказать, Всемилостивейше пожаловали чин первого министра в наших консилиях, и как он ныне уже первый ранг в империи имеет, то ему по генералиссимусе первым в империи быть, при чем и супруге его пред всеми знатнейшими дамами, в том числе и тех принцев, кои невладеющие в нашей службе обретаются, супругами, первенство иметь».

– Вот это так! – одобрил фельдмаршал, и в бесстрастном взоре его блеснул огонек как бы искреинного чувства. – За твою матушку я особенно рад! Теперь надо задобрить Остермана. Уступить мне звание первого министра будет ему очень горько. Если этому старому волку не заткнуть рта другим сочным куском, то он не перестанет лязгать на меня зубами.

– Помнится мне, – подал тут голос Менгден, – что несколько лет назад, когда Остерман работал над новым положением для флота, он очень льстился на звание генерал-адмирала.

– Да? Ведь вакансия эта и доныне еще свободна?

– Ну, что ж, произведем его в генерал-адмиралы! – усмехнулся молодой Миних и кивнул Самсонову. – Итак, пункт третий: «Вице-канцлеру Империи, графу Остерману, пожаловали чин давно состоящей вакансии генерал-адмирала, причем ему и кабинет-министром быть по-прежнему».

– Остермана зовут у нас *душою* кабинета министров, а Черкасского *телом*, – сказал фельдмаршал. – Теперь, стало быть, очередь *тела*. Со смерти старого Головкина, больше шести уже лет, должность великого канцлера тоже не занята. Не предоставит ли ее Черкасскому?

– Сказать между нами, – заметил Менгден, – Черкасский за свои неблаговидные поступки заслуживал бы скорее отставки, чем награды. В нем нет ни капельки добродушия истых русских людей, в душе он все еще татарин...

– Так-то так, – сказал Миних-сын. – Но в начале нового правления, мне кажется, вернее можно утвердиться не строгостью и уличением прежних провинностей, сколько милосердием и великодушием, а потому для новой правительницы будет полезнее явить и в сем случае особенно убедительный акт великодушия, возвысив малодостойного. Не правда ли, батюшка?

– Вреда большого оттого для России не будет: воли я ему все равно не дам.

– Стало быть, вы согласны? Пиши, Самсонов: «4. Действительному тайному советнику князю Черкасскому пожаловать также чин давно состоящей вакансии великого канцлера, и быть ему по-прежнему в кабинете».

– Мне вот что приходит в голову, – сказал тут старик-фельдмаршал. – Если Черкасского не считать коренным русским, то до сих пор мы не наградили еще ни одного русского. Теперь выдвинем и кого-нибудь из русских.

Так в 5-й пункт наградного указа попал природный русский граф Михаил Гаврилович Головкин, который давно уже получил высший гражданский чин действительного тайного советника, а теперь удостоился звания вице-канцлера.

За Головкиным следовал еще целый ряд награждаемых лиц, в том числе, конечно, и двое присутствующих при совещании: Миних-сын был назначен обер-гофмейстером с чином генерал-поручика, а барон Менгден украсился орденскими знаками Святого Александра Невского. Из остальных упомянем здесь еще о бывшем адъютанте принца брауншвейгского, Петре Граматине, который за месяц назад, после пытки в застенке и наказании кнутом, был лишен всех чинов и исключен из службы, а теперь восстанавливался в прежних чинах с назначением на должность директора канцелярии принца.

– Всех, кажется, удовлетворили, кого следовало, никого не обошли? – сказал фельдмаршал.

– А придворные дамы не попадут в этот указ? – спросил Менгден.

– Нет, относительно их будет особое распоряжение, выбор их надо предоставить самой принцессе. Вы, барон, имеете в виду, вероятно, вашу племянницу Юлиану?

– Да, она, казалось бы, заслужила того, чтобы сделаться статс-фрейлиной ее высочества.

– Еще бы! – подтвердил Миних-сын. – Теперь у ее высочества уже по регламенту должно быть не менее семи фрейлин, а кому же и быть старшей, как не Юлиане? Да она и сама напомнит принцессе, будьте покойны.

– Ваше сиятельство не погневитесь за смелое слово? – решился тут выступить со своим предложением и Самсонов.

– Говори.

– Любимую свою камер-юнгферу, баронессу Лизавету Романовну Врангель, ее высочество принцесса еще при блаженной памяти государыне немеревалась также взять к себе во фрейлины...

– Да тебе-то откуда сие известно учинилось?

– А он молочный брат баронессы Врангель, – объяснил отцу с улыбкой молодой граф. – Точнее сказать, приходился он молочным братом ее покойной сестре, Маргарите, которая, если вы припомните, была также фрейлиной при принцессе... А две величины, равные порознь третьей, равны между собой.

По узким губам Миниха-отца проскользнула также тень улыбки.

– Старая аксиома, – промолвил он. – Но ведь если принцесса так уж благоволит к этой девице, то и сама, конечно, не преминет сделать ее фрейлиной.

– На всякий случай, я все-таки доложу ей об этом, – сказал молодой граф.

– Вспало мне еще на мысль, ваше сиятельство... – заговорил опять, ободрившись, Самсонов.

Фельдмаршал начал уже, видимо, терять терпение и сдвинул брови.

– Что еще?

– Ее высочеству цесаревне Елизавете Петровне, осмелюсь спросить, ничего не жалуется?

Оба Миниха, отец и сын, озадаченно переглянулись: цесаревну они совсем ведь упустили из виду!

– Да что можно было бы ей пожаловать? – сказал фельдмаршал. – В средствах она хоть и стеснена, но рядом с почетными наградами простым смертным назначить ей, царской дочери, денежный презент не совсем-то подобает.

– При своей гордости она, наверное, откажется, как отказалась от презента Бирона, – заметил сын. – Но у тебя, Самсонов, никак, уже что-то придумано?

– Не знаю, как покажется вашим сиятельствам... Цесаревне, сдастся мне, не столь даже лестно стоять в указе наряду с разными сановными особами, сколько видеть родственное внимание к себе со стороны правительницы. Года два назад цесаревна прочила в камер-юнкеры к

себе доброго приятеля моих бывших господ Шуваловых, Воронцова Михаилу Ларионыча. Но герцог Бирон не влюбил его и удалил в Новгородскую губернию в линейные полки. Так вот, кабы его вернуть теперь оттуда ко двору цесаревны...

– Препозиция, батюшка, мне кажется, весьма даже приемлемая, – сказал Миних-сын. – Воронцов в самом деле был в немалом фаворе у цесаревны, а паче того, пожалуй, у ее кузины молодой графини Скавронской.

– Герцог опасался, говорят, как бы не дошло у них даже до брака, – добавил Менгден. – Это был бы такой мезальянс⁸...

– Да нам-то какое до этого дело? Умиротворить бы только цесаревну и ее приближенных.

– Совершенно верно, – подтвердил старик отец. – Так ты, сын мой, скажи об этом правительнице сегодня же при поднесении указа о милостях. Она, верно, тоже опробует.

– А курьер, ваше сиятельство, к господину Воронцову будет тоже послан? – спросил Самсонов.

– Ты, братец, не сам ли уж хотел бы быть таковым курьером? – снисходительно опять улыбнулся фельдмаршал.

– Коли будет такая ваша милость. Михайло Ларионыч меня с прежних времен хорошо тоже знает.

– Ну, что ж, поезжай с Богом.

⁸ Неравный брак (*фр.*).

Глава восьмая

Сокол с миртовой и голубь с масличной веткой

Проект наградного указа, как и следовало ожидать, был принцессой во всех пунктах опробован, и не далее как в 11 часов утра указ был прочитан высшим чинам, собравшимся во дворце в полном составе. Пожалованные, один за другим, подходили к руке новой правительницы. Каждого она удостоивала официально любезной улыбкой, некоторых избранных и парой ласковых слов, особенную же внимательность выказала старику-фельдмаршалу.

– Вас, граф, как моего первого министра, я желала бы всегда иметь около себя, – сказала она, – но я не могу требовать, чтобы вы во всякую погоду ездили ко мне с Десятой линии Васильевского острова через Неву...

Миних стал было уверять, что ему как человеку военному всякая погода нипочем, но, не договорив, он так раскашлялся, что должен был прижать к губам платок.

– Вот видите: вы уже простужены! – сказала Анна Леопольдовна. – Нет, нет, вы должны переехать ко мне во дворец. Для вас будут отведены те самые покои, которые я сама занимала до сегодняшнего дня. А чтобы вам поскорее поправиться от простуды, – прибавила она шутливо, – я пропишу вам рецепт...

– Какой такой рецепт, ваше высочество?

– А ордер на отпуск вам ста тысяч из нашей государственной аптеки – рентереи.

Принцессе, очевидно, была небезызвестна единственная слабость честного старого воина – жадность к деньгам, и она не без основания полагала, что такое звонкое лекарство излечит его вернее всякой докторской микстуры. Бесстрастные черты фельдмаршала действительно озарились как бы лучами солнца.

– Этим подарком, – с чувством заявил он, – ваше высочество, даете мне возможность привести в исполнение одно мое давнишнее желание. Дом мой уже много лет нуждается в капитальном ремонте. Теперь заодно я могу украсить и наружный фасад его скульптурными изображениями...

– Ваших воинских подвигов и трофеев?

– Да...

– Вот это я понимаю! Знаете ли, граф, в главной группе я поместила бы пленных турок в цепях. Как вы находите эту мысль?

– Прекрасная мысль, достойная вашего высочества.

– Вы одобряете? Как я рада! Но работа должна быть непременно художественная, и поручить ее можно только первоклассным скульпторам.

– Не иначе.

– Так от ста тысяч вам, пожалуй, ничего почти не останется?

– Не так-то много. Признаться, я наводил уже справки: с общим ремонтом все обойдется по меньшей мере тысяч в семьдесят.

Стоявшая позади Анны Леопольдовны Юлиана наклонилась к ее уху.

– Верно, верно, – тотчас согласилась с ней принцесса. – Уменьшить прописанную вам порцию – значило бы затянуть ваш кашель. Поэтому на починку и украшение вашего дома я пропишу еще отдельный рецепт на семьдесят тысяч. Напомни мне, пожалуйста, Юлиана.

Такая щедрость правительницы окончательно, казалось, покорила сердце старика-фельдмаршала.

Не забыла принцесса дополнительной милостью и его сына: чтобы ему, новому обер-гофмейстеру, быть всегда поблизости, она подарила тому в собственность казенный дом по соседству с Зимним дворцом. Чрезвычайно расчетливый вообще в государственных расходах,

фельдмаршал на этот раз не возражал: ведь и сын его, как он сам, был одним из самых крепких столпов нового правительства.

Юлиану и Лили Анна Леопольдовна поздравила с их новыми званиями статс-фрейлины и гоффриейлины еще у себя до общего приема. Весть об этом разнеслась на приеме с быстротой молнии, и большинство поздравителей считало долгом после правительницы принести поздравления и ее двум любимым придворным дамам. Так, подошел к ним и молодой адъютант фельдмаршала, подполковник Манштейн. Сказав несколько обыкновенных любезностей Юлиане, он уступил место следующему поздравителю, а сам заговорил с Лили.

– Простите мое любопытство, баронесса, – приступил он прямо к занимавшему его, по-видимому, вопросу, – большую часть вашей недолгой еще жизни вы провели, как я слышал, в деревне?

«От кого он это слышал?» – мелькнуло в мыслях Лили, невольно покрасневшей при таком непосредственном обращении к ней блестящего гвардейца. Но, стараясь не показать своего замешательства, она отвечала с требуемой холодной корректностью:

– При дворе я уже целых полтора года, в деревне же прожила перед тем еще в десять раз дольше.

– О! В таком случае, жизнь ваша действительно очень уж долгая! – улыбнулся Манштейн, затем тихонько вздохнул. – Вашему покорному слуге не выпало такого счастья! Хотя я и лет на десять, на двенадцать вас старше, однако деревенским воздухом почти не дышал. Родился я здесь, в болотистом Петербурге. Покойный отец мой был генералом русской службы. Но так как сам он был родом из Пруссии, то послал меня воспитываться в берлинский кадетский корпус, из корпуса же я поступил прямо в прусское войско и дослужился до поручика, дослужился бы с Божьей помощью когда-нибудь и до генерала, не пригласи меня пять лет тому назад царица Анна на русскую службу. И здесь мне, должен сказать, повезло: в прошлом году наш славный фельдмаршал взял меня к себе в адъютанты, в нынешнем произвел в подполковники, а на днях я буду иметь честь представиться вам и в полковничьем мундире. Когда дадут мне полк, я могу обзавестись и собственной семьей... Смею ли я, баронесса, узнать ваше мнение, не проситься ли мне куда-нибудь подальше от двора-в деревенскую глушь?

– Мое мнение? – повторила, недоумевая, Лили и вдруг, сообразив, вся вспыхнула до корней волос.

– Вы, может быть, еще подумаете, – продолжал Манштейн. – Если позволите, я завтра зайду к вам за ответом?

Хотя это было сказано несколько пониженным голосом, но Юлиана расслышала последние слова и отвечала за Лили:

– Она, простите, еще не принимает визитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.